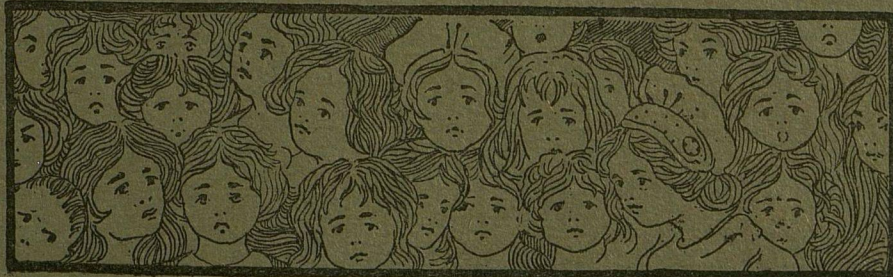
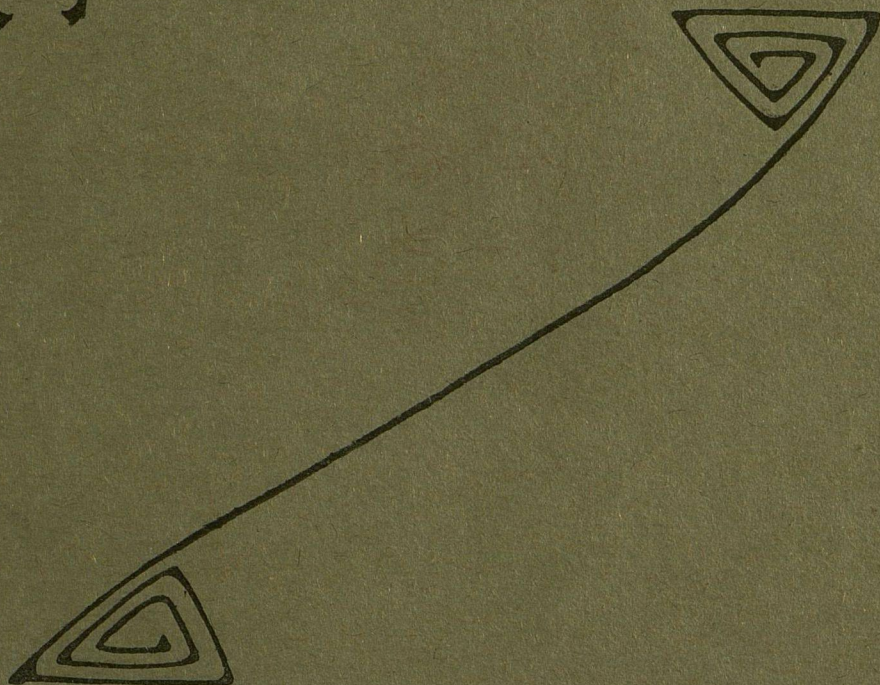
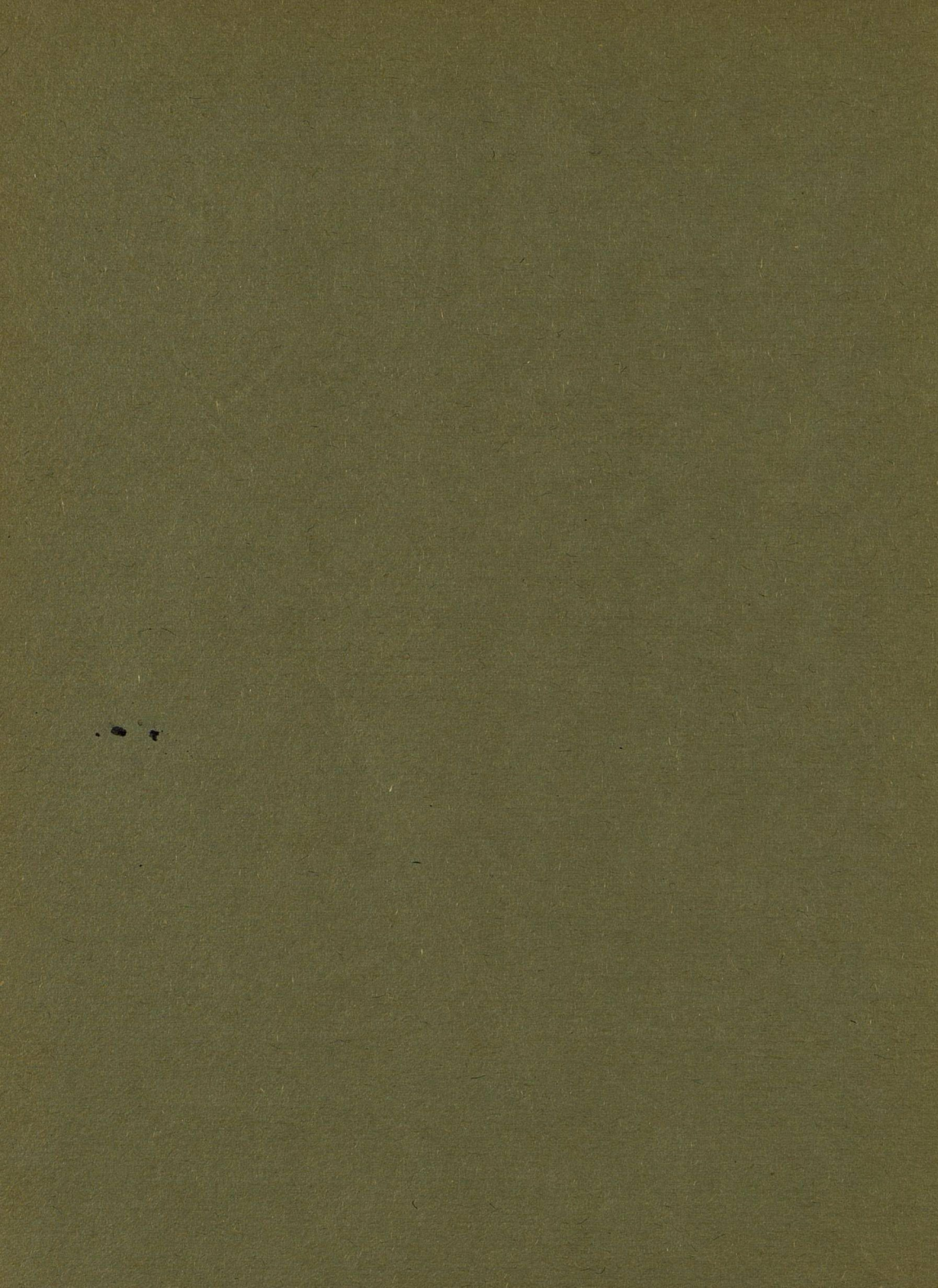

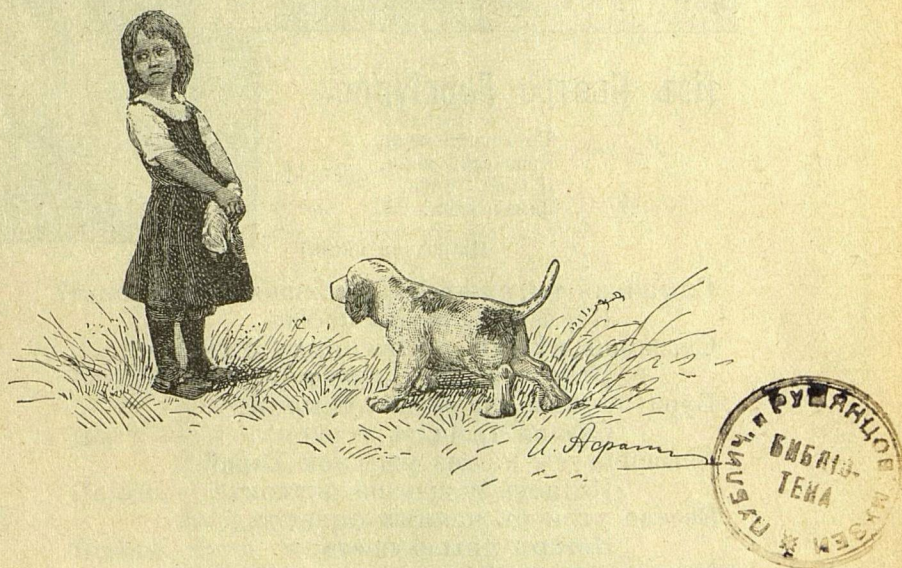
ДѢТСКІЙ МІРЪ

№ 12 Июль 1909 г.

ДѢТСКІЙ МІРЪ

№ 12 Июль 1909 г.

Содержаніе: Стихотвореніе: *П. Гилъровской*.—Лючилино еказ. *М. Осорина*.—Растенія и свѣтъ *Кина*.—Куда, вы птички. *Брандта*.—Бобъ и Пиппо.—Похитители чужихъ жилищъ —Ну-ка разгадайте.—Объявленіе.

Изъ Пьетро Гаргюлло.

Ты согрѣй меня,
Приласкай меня,
Я боюсь тебя,
Зима лютая.

(Народная пѣсня).

Слышишь ты, листьевъ засохшихъ шуршанье?

Буря ихъ, вьюга несетъ,

Слышишь, вѣтвей обнаженныхъ стенанье?

Вѣтеръ холодный ихъ рветъ.

Бури порывы и дождикъ унылый,

Ставни трещать у оконъ.

Слышишь, съ какою ужасною силой

Падаетъ дождь на балконъ?

Весело угли въ каминѣ пылаютъ,

Вѣтеръ уныло поетъ,

Ужась холодный мнѣ сердце сжимаетъ,

Душу змѣею сосетъ.

Ты согрѣй меня,

Приласкай меня,

Я боюсь тебя,

Зима лютая.

Вьюга и холодъ тоскливый,

Мнѣ ненавистна зима,

Мѣста для юности нѣтъ здѣсь счастливой

Здѣсь умираетъ она...

Нѣтъ, ты скажи мнѣ, къ намъ скоро вернутся

Небо лазурное, радость, цвѣты?

Солнышко красное? Вновь вострепнутся
Свѣтлаго счастья мечты?
Нѣтъ, ты скажи мнѣ, скажи мое счастье,
Буря жестокая скоро пройдетъ?
Въ домицѣ рядомъ въ нуждѣ и ненастьѣ
Съ дѣтками мать по сосѣдству живетъ...

Ты согрѣй меня,
Приласкай меня,
Я боюсь тебя,
Зима лютая.

Боже мой! Можетъ быть въ морѣ далеко
Гибнуть теперь корабли?
Борются люди въ пучинѣ глубокой!
Ты же, поешь о любви!
Слушай, въ холодной деревнѣ печальной,
(Стынетъ отъ ужаса кровь)
Холода, голода стонъ погребальный,
Гдѣ же, о гдѣ же любовь?
Нѣтъ, замолчи! Не до пѣсенъ прекрасныхъ,
Голодъ терзаетъ людей.
Боже мой! Сколько холодныхъ, несчастныхъ
Блѣдныхъ, печальныхъ дѣтей!

Ты согрѣй меня,
Приласкай меня,
Я боюсь тебя,
Зима лютая.

Помню, разъ вечеромъ, вѣтеръ сердитый
Плакалъ, деревья клоня.
Домъ одиноко стоялъ нашъ забытый,
Помню... Ты слышишь меня?
Помню, отъ страха я къ мамѣ прижалась,
Лѣсъ безконечный стоналъ,
Помню, какъ старая липа сломалась.
— „Мама, что это?“ „То волкъ закричалъ.
Съѣстъ онъ тебя“. Мнѣ она отвѣчала.
Душу мнѣ ужасъ сковалъ...
Помню, какъ буря тогда бушевала,
Помню, какъ вѣтеръ стоналъ...

Ты согрѣй меня,
Приласкай меня,
Я боюсь тебя,
Зима лютая...

Н. Гиляровская

ЛЮЧЬИ ЛЛІНО.

(Сказка).

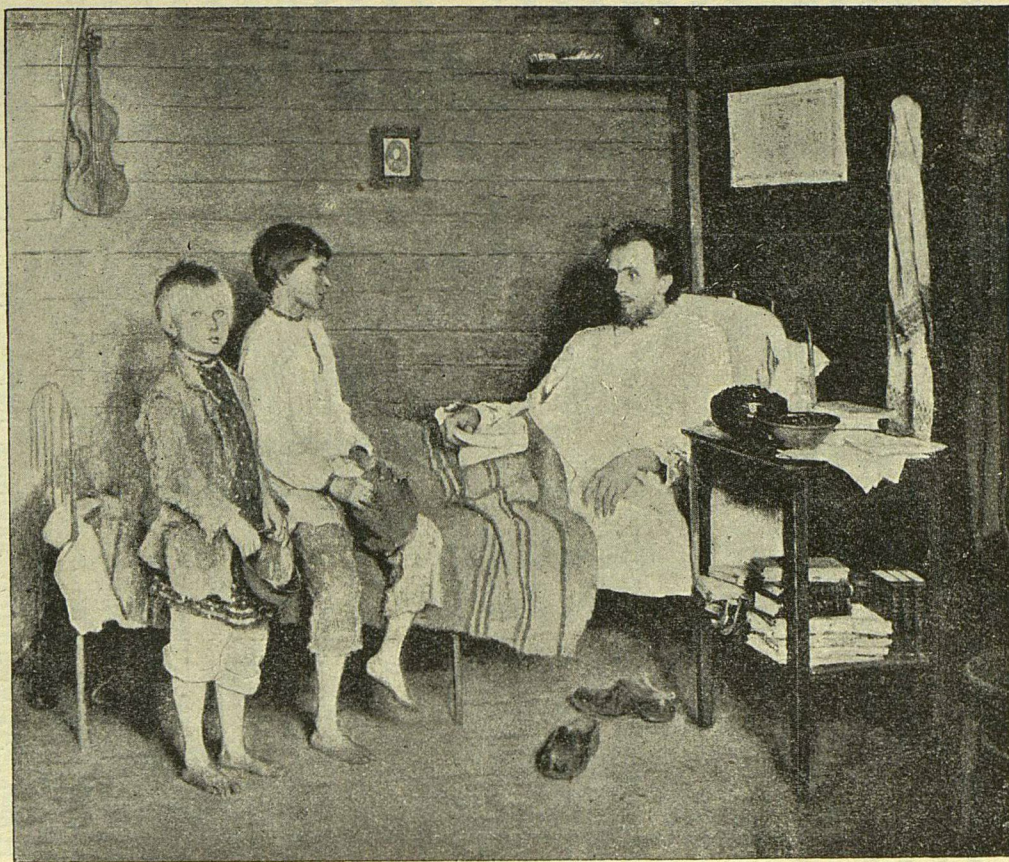
Была теплая, лѣтняя безлунная ночь. Было такъ тихо, что можно было слышать, какъ машеть налету мягкими крыльями большая ночная бабочка, какъ лопаются бутонъ розы, чтобы развернуться къ утру въ пышный цвѣтокъ, какъ падаютъ на листья влажныя пылинки росы и какъ дышитъ земля, остывая отъ дневного зноя.

И несмотря на тишину, все кругомъ жило и наслаждалось волшебной ночью—и бабочка, и росинки, и бѣлые ароматные цвѣты апельсина, и фіалка и тонкіе чуткіе усики молодого винограда. Широко раскинувъ вырѣзанные листы, роскошная пальма думала о томъ, что родина ея не здѣсь, что она только гостя въ прелестной Италіи. Зябкая мимоза задумалась надъ тѣмъ, какъ хорошо лѣтомъ и какъ жалко терять къ зимѣ нѣжныя листочки. Вѣткамъ цвѣтущаго персика уже грезились тяжелые, сочныя плоды, на-румяненные лучами солнца. Бѣлая акація спѣшила за ночь украсить себя душистыми кистями цвѣтовъ. Вишня, слива, яблоня, абрикось, виноградъ, фіговое дерево, гранатъ, олива—у всѣхъ были свои заботы, но это не мѣшало имъ любоваться и звѣзднымъ небомъ, и самими собой и другъ другомъ.

Луны не было, но зато звѣзды чувствовали себя гораздо свободнѣе безъ своей круглолицей няньки. Ни одна звѣздочка не спала,—всѣ выбѣжали на небо и то перемигивались, то играли разноцвѣтными огнями, то съ любопытствомъ смотрѣлись въ спокойное море. Всѣ онѣ отражались въ немъ дрожащими пятнышками, а отъ большихъ и низкихъ звѣздъ шли по морю цѣлыя полосы свѣта. Но не однимъ отраженіемъ звѣздъ сверкало море. Его вода была полна своими чудными странными огоньками. Особенно ярко, цѣлыми пучками синеватаго огня, вспыхивали эти огоньки у берега, гдѣ вода тихо равномерно набѣгала на торчашіе изъ моря камни и свѣтлыми струйками сбѣгала обратно. Не было видно, гдѣ кончается море и начинается небо; видно было только, что нѣтъ ни начала, ни конца, ни числа этимъ живымъ разноцвѣтнымъ огонькамъ, и внизу и вверху, и на водѣ, и въ воздухѣ. И непривычный глазъ ни за что не разгадалъ бы, что это за чудная крупная звѣзда горитъ спокойнымъ свѣтомъ надъ крутымъ берегомъ. Онъ не догадался бы, что это не звѣзда, а запоздалый огонекъ въ чѣмъ то домикѣ почти на самой вершинѣ горы святой Трезвы. Черезъ часъ этотъ огонекъ такъ же внезапно потухнетъ, какъ внезапно загорѣлся часъ тому назадъ; огонекъ не станетъ ждать восхода, когда всѣ звѣзды начнутъ блѣднѣть, меркнуть и скроются до слѣдующей ночи...

Этой ночью все горѣло, все свѣтилось. Даже гнилая щепка отъ теплаго воздуха засвѣтилась и блистала ярче брилліанта. Но не было ничего волшебнѣе тѣхъ блуждающихъ огоньковъ, которыми былъ полонъ воздухъ. Они мелькали сквозь листву деревьевъ, вспыхивали на стебляхъ травы и скользили по небу, соперничая со звѣздами. Стоялъ июнь—пора свѣтящихся жучковъ. Эти чудные живые фонарики то горѣли ровнымъ зеленымъ свѣтомъ, то равномерно вспыхивали желтымъ огонькомъ и гасли на мгновеніе, чтобы снова вспыхнуть на шагъ ближе. Не понять, гдѣ летитъ свѣтлячокъ. Иногда кажется, что онъ подлѣ, а въ дѣйствительности онъ далеко; иногда думается, что

У больного учителя (карт. Богданова-Бѣльскаго).

жучокъ летитъ въ концѣ сада, а онъ внезапно сверкнетъ совсѣмъ близко и ослѣпитъ глаза яркой молніей...

Густой мелькающей сѣткой летали свѣтляки по старому саду. И самымъ яркимъ изъ нихъ, самымъ красивымъ и смѣлымъ былъ молодой свѣтлячокъ Лючиллино. Не было равнаго ему по силѣ волшебнаго огня, не было у него соперниковъ въ смѣломъ полетѣ. Каждаго, кто пытался съ нимъ сравниться, онъ ослѣплялъ вспышкой своего потайнаго фонарика. Даже звѣзды съ неба съ завистью глядѣли на чуднаго жучка, и мечтали помѣняться съ нимъ судьбой, чтобы хоть разъ пролетѣть низко надъ дорожкой сада и сѣсть на розовый кустъ. Цѣлой стайей летали свѣтляки за Лючиллино, увѣряя его въ своей дружбѣ и добиваясь его взаимности. Сколько граціозныхъ взмаховъ крылышками, сколько искусныхъ поворотовъ и внезапныхъ вспыхиваній продѣлывали они, чтобы хоть на минуту привлечь его вниманіе. Но Лючиллино не хотѣлъ замѣчать ихъ хитрыхъ уловокъ, и никого не пожелалъ выдѣлить изъ другихъ и называть своимъ другомъ. Для него, прекраснѣйшаго изъ свѣтляковъ, всѣ они казались тусклыми, неповоротливыми и смѣшными. Онъ старался избавиться отъ ихъ назойливыхъ преслѣдованій, и когда это ему удавалось, леталъ одиноко надъ густой травой. Иногда Лючиллино заползалъ въ лепестки пышной розы; и она внезапно озарялась чуднымъ свѣтомъ и казалась какимъ-то волшебнымъ прозрачнымъ, свѣтлымъ живымъ цвѣткомъ среди темной спящей зелени.

Отчего былъ такъ грустенъ Лючиллино? Отчего онъ избѣгалъ поклонниковъ и друзей, которыхъ могъ бы имѣть тысячи? Отчего онъ не хотѣлъ летать прекраснѣйшимъ въ блестящей стаѣ прекрасныхъ блуждающихъ огоньковъ? Или, можетъ быть, онъ не любилъ яркаго свѣта и потому искалъ темноты и одиночества?

Нѣтъ, Лючиллино любилъ свѣтъ, онъ готовъ былъ поклоняться яркому свѣту. Но тотъ мелькающій свѣтъ, которымъ окружали его безчисленные поклонники, казался ему слишкомъ блѣднымъ и ничтожнымъ. Лючиллино мечталъ увидать такой яркій свѣтъ, который ослѣпилъ бы его, какъ

самъ онъ, Лючиллино, ослѣплялъ своихъ братьевъ, но такого свѣта онъ не могъ найти. Его не было въ густомъ саду, не видно было ни на небесномъ сводѣ, ни въ мор-

За хворостомъ.

ской водѣ, надъ которой долго леталъ Лючиллино въ тщетныхъ поискахъ яркаго свѣта. Только такой яркій свѣтъ могъ побѣдить гордаго Лючиллино и разогнать его грусть.

И вотъ, когда Лючиллино, усталый и потерявшій надежду увидеть яркій свѣтъ, сидѣлъ въ цвѣтѣхъ бѣлой лиліи, озаряя ее волшебнымъ блескомъ, внезапно онъ увидалъ въ отдаленіи то, къ чему онъ такъ страстно стремился. Это не было звѣздой, такъ какъ виднѣлось слишкомъ низко и горѣло неровнымъ пламенемъ. Это не былъ такой свѣтлячекъ, такъ какъ не видно было равномерныхъ вспыхиваній; да и ни одинъ свѣтлячекъ, даже прекраснѣйшій изъ нихъ — Лючиллино — не могъ имѣть такой яркости. Что это было такое? Лючиллино не зналъ; онъ зналъ только, что это и есть тотъ яркій свѣтъ, котораго онъ ждалъ и искалъ. Вздвигнувшись и трепещущій отъ радости, быстрыми взмахами крыльевъ Лючиллино полетѣлъ къ очаровавшему его огоньку. Теперь ничто не могло остановить его на пути къ желанной цѣли. По привычкѣ онъ равномерно зажигалъ и гасилъ свой фонарикъ, чтобы освѣщать путь въ ночной темнотѣ, но его взоры были прикованы къ роковому огню. А огонь все увеличивался и дѣлался все ярче и ярче, ближе и ближе...

Еще мгновенье, еще нѣсколько сильныхъ, послѣднихъ взмаховъ крылышекъ...

Лючиллино напрягаетъ всѣ усилія. Свѣтъ все возрасталъ. Онъ уже ослѣплялъ Лючиллино, но тѣмъ сильнѣе его манилъ...

Еще взмахъ крылышекъ, лишь одинъ взмахъ...

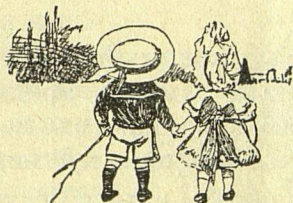
Страшный ослѣпительный блескъ, мгновенная острая боль, — и Лючиллино потерялъ сознаніе. Съ крылышками, опаленными пламенемъ горящей свѣчи, онъ лежалъ на садовомъ столѣ, смутно чувствуя, какъ быстро отлетаетъ его молодая жизнь и гаснетъ его собственный свѣтъ, гаснетъ этотъ волшебный вспыхивающій фонарикъ, которымъ любовались свѣтлячки, тамъ, среди густой травы и цвѣтущихъ деревьевъ...

Но чувствуя это, Лючилино пристально смотрѣлъ на огонь умирающимъ взглядомъ...

И радостно было на душѣ Лючилино...

Отчего же такъ радостенъ былъ умирающій свѣтлячекъ?

Мих. Осоргинъ.

РАСТЕНІЯ и СВѢТЪ.

Уже давно было замѣчено, что одни лучи солнечнаго спектра *) имѣютъ вредное вліяніе на ростъ растенія, другіе, наоборотъ, способствуютъ ему. Недавно вполне доказалъ это Камилль Фламмаріонъ.

Онъ взялъ нѣсколько вѣточекъ мимозы, посадилъ по двѣ въ горшки и перенесъ въ оранжерею, одинаково освѣщенную со всѣхъ сторонъ. Температура оранжереи также поддерживалась одинаковой во всѣхъ углахъ. Такимъ образомъ растенія были помѣщены въ наилучшія условія для роста. Три горшка были закрыты съ одной стороны колпаками разныхъ цвѣтовъ: краснымъ, зеленымъ и синимъ; съ другой стороны они были открыты и получали солнечный свѣтъ черезъ стекла оранжереи. Четвертый горшокъ просто былъ выставленъ на бѣлый солнечный свѣтъ.

Въ началѣ опыта каждая вѣточка мимозы имѣла 2 сантиметра длины. Вліяніе свѣта, различно окрашеннаго, не замедлило сказаться. Уже черезъ 15 дней можно было замѣтить большую разницу въ ростѣ растеній. Эта разница увеличивалась съ каждымъ днемъ и черезъ 2 мѣсяца получилось слѣдующее:

*) *Спектръ*—полоса радужныхъ цвѣтовъ, получаемыхъ пропускаемъ солнечнаго луча черезъ трехгранную стеклянную призму.

Вѣтки мимозы, подверженныя вліянію краснаго свѣта достигли 42 сантиметровъ высоты; подверженныя вліянію зеленаго—15 сантиметровъ; покрытыя же синимъ колпакомъ имѣли только $2\frac{1}{2}$ сантим. высоты; наконецъ, вѣтки, которыя получали неокрашенный солнечный свѣтъ; достигли 10 сантим. высоты.

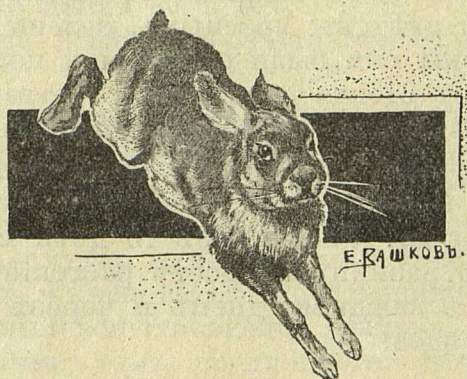
Такимъ образомъ, красный свѣтъ оказался самымъ благопріятнымъ, а синій самымъ вреднымъ. Притомъ мимозы, покрытыя синимъ колпакомъ не только почти не выросли, но имѣли еще болѣзненный видъ.

Кромѣ этого сказалось еще и другое вліяніе свѣта. А имѣнно, достаточно было дунуть на мимозу, выращенную подъ краснымъ колпакомъ, чтобы ея листочки сложились и вѣточки опустились. Между тѣмъ, какъ мимозы, выращенныя подъ синимъ колпакомъ, относились совершенно безучастно даже къ прикосновенію.

Точно такіе же результаты были получены и съ другими растеніями.

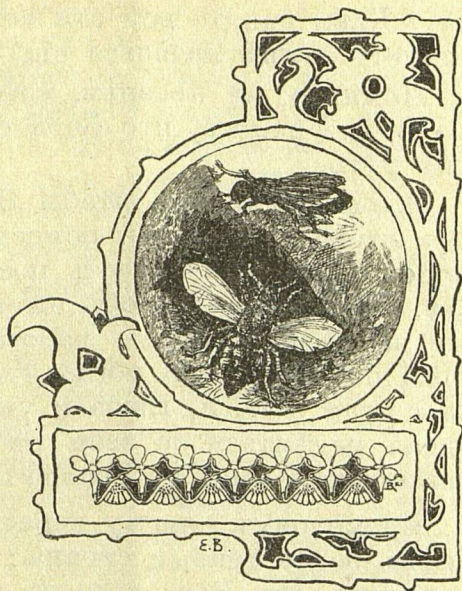
Изъ всего этого можно видѣть какую пользу извлекаютъ садоводы въ будущемъ.

Киша.

Куда, вы птички?

Когда однажды поздно вечеромъ возвращался я домой лугомъ, который тянется по обѣимъ сторонамъ нашей рѣки, высоко въ воздушѣхъ внезапно раздался оглушительный крикъ. Я остановился и прислушался; теперь этотъ крикъ издавался уже множествомъ голосовъ. Несмотря на чудное лунное освѣщеніе, я однако ничего не могъ разглядѣть, какъ ни напрягалъ зрѣнія. Но

тѣмъ не менѣе, еслибы вы находились въ тотъ моментъ возлѣ меня, вы сразу поняли бы откуда несутся эти таинственные крики. Это кричали прибывшіе изъ теплыхъ странъ дикіе гуси, которые заселяютъ у насъ свободныя отъ воды пространства равнины, пожирая растущую на нихъ траву. Все лѣто они остаются у насъ, а съ наступленіемъ зимы снова улетаютъ къ себѣ на родину. И это повторяется каждый годъ.

Подобныя странствованія вы можете ежегодно наблюдать среди аистовъ, ласточекъ и многихъ другихъ птицъ; только сравнительно немного породъ птицъ проводятъ у насъ цѣлый годъ.

Если вы будете наблюдать, то замѣтите, что въ мартѣ и апрѣлѣ, а затѣмъ съ конца августа до середины октября по небу несутся цѣлыми стаями „перелетныя птицы“. Куда несутся онѣ? Зачѣмъ онѣ улетаютъ?

Кто указываетъ имъ дорогу?

Какимъ образомъ совершаютъ онѣ это далекое путешествіе? Кто говоритъ имъ, что уже пора вернуться на ро-

дину? Какъ видите всѣ эти вопросы требуютъ разрѣшенія. Перелетъ птицъ является еще для насъ загадкой.

Помните, въ пѣсенкѣ, которую вы неразъ пѣвали въ школѣ, говорилось, что Богъ постоянно указываетъ птицамъ путь.

Возможно-ли это, чтобы Богъ указывалъ путь миллионамъ птицъ? Конечно, помоему, очень удобно на каждую жизненную загадку давать постоянно одинъ и тотъ же отвѣтъ: Богъ заботится объ этомъ. Нѣтъ, мои милые дѣтки, если вы сами не будете работать руками и ногами, то быстрый потокъ жизни поглотитъ васъ. Да и зачѣмъ намъ даны руки и ноги, глаза и уши и мыслящій умъ? Итакъ, будемъ надѣяться на свои собственные силы и будемъ пользоваться ими, не правда-ли?

Посмотримъ почему перелетныя птицы улетають осенью въ болѣе теплыя страны? Конечно, мы уже знаемъ, не потому, что Богъ сказалъ имъ: теперь вамъ время улетать! Нѣтъ, ихъ заставляютъ улетать обстоятельства. Что дѣлать у насъ аисту зимою, когда ручьи и озера замерзають и лягушки спятъ глубоко въ болотѣ? Ему пришлось бы умереть съ голоду, и тоже самое случилось бы съ ласточками, жаворонками, и многими другими птицами, которыя съ наступленіемъ зимы лишаются источниковъ пропитанія. Кромѣ того, многія породы птицъ не въ состояніи переносить суровой зимы. Вы, навѣрное, спросите меня: почему же нѣкоторыя породы птицъ покидаютъ насъ еще въ концѣ августа, когда онѣ могутъ еще найти себѣ здѣсь обильную пищу? Почему онѣ заблаговременно улетають?

Ваши вопросы вполне правильны. Но попробуйте посадить пойманную перепелку въ большую клѣтку и положите ей туда самую лакомую пищу. Во все время перелета птицъ она будетъ по ночамъ биться въ своей клѣткѣ и если вы не примите какихъ-либо мѣръ, то она, въ порывѣ отчаянія, разобьетъ себѣ голову. Здѣсь можетъ быть только одинъ отвѣтъ: въ ея крови лежитъ стремленіе къ странствованію; ея инстинктъ указываетъ ей время, когда ея сестры собираются въ великій путь.

Кто указываетъ имъ дорогу? Прежде предполагали, что проводниками являются старыя птицы, которымъ хорошо знакома дорога. Но это объясненіе оказывается невѣрнымъ уже по одному тому, что молодыя птицы обычно отправляются въ путь раньше старыхъ; да и старымъ-то птицамъ путь не можетъ быть знакомъ, такъ какъ большинство перелетныхъ птицъ совершаетъ свое путешествіе по ночамъ.

Болѣе вѣрный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ опять только инстинктъ птицъ, являющійся наиболѣе тонко чувствующимъ органомъ всѣхъ живущихъ на свободѣ животныхъ. Возможно, и даже наиболѣе вѣроятно, что правильное теченіе воздуха съ экватора къ полюсамъ и обратно оказываетъ птицамъ громадную услугу.

На какой высотѣ совершаютъ птицы свой полетъ? Вы, навѣрное, недовѣрчиво покачаете головой, когда я назову вамъ число: 2800 саж. и выше! Правда, это на первый взглядъ кажется невѣроятнымъ, и вамъ нисколько не приходится стѣсняться выраженнаго вами недовѣрія, такъ какъ я и самъ раньше не вѣрилъ этому.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на одномъ изъ острововъ нѣмецкаго моря—Гельголандъ—умеръ „старый Гетке“, вѣрный другъ и тонкій наблюдатель птицъ, которыхъ онъ страстно любилъ. Всю свою долгую жизнь онъ посвятилъ изученію ихъ и съ удивительнымъ терпѣніемъ собиралъ всѣ свои наблюденія, для которыхъ онъ выбралъ какъ разъ наиболѣе подходящее мѣсто, такъ какъ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ на землѣ нельзя такъ хорошо наблюдать полетъ птицъ, какъ на островѣ Гельголандъ. Кромѣ того, всѣ ученые зоологи нашли наблюденія Гетке заслуживающими полного довѣрія. Итакъ, по многочисленнымъ наблюденіямъ Гетке полетъ птицъ происходитъ на такой высотѣ, которая совершенно недоступна простому глазу. Вы, конечно, знаете, что на такой высотѣ воздухъ настолько рѣдокъ и бѣденъ кислородомъ, что въ немъ не могутъ жить другія животныя и люди (воздухоплаватели) но птицы могутъ здѣсь жить и летать. Отсюда слѣдуетъ, что ихъ организмъ

МѢЪ ДРУГА, ТАКЪ ИЩЕ ;
А НАШЕЛЪ, ТАКЪ БЕРЕГЪ!

обладаетъ особеннымъ устройствомъ, дающимъ имъ возможность жить и совершать движенія на такой высотѣ.

Гетке подтверждаетъ это заключеніе цѣлымъ рядомъ удивительно интересныхъ наблюденій, изъ которыхъ я приведу только нѣсколько. Очень часто можно видѣть, какъ аисты, коршуны и чайки носятся довольно продолжительное время въ воздухѣ на какой угодно высотѣ при *полнѣйшемъ безвѣтріи*, совершенно не двигая крыльями. Замѣчено, что гагары, утки, бакланы, или морскіе вороны, могутъ погружаться въ воду на какую угодно глубину, не касаясь дна и не держась за водяныя растенія. Эти примѣры служатъ доказательствомъ того, что птицы могутъ произвольно измѣнять вѣсъ своего тѣла, т. е. дѣлать его болѣе или менѣе тяжелымъ, и благодаря такому свойству онѣ могутъ безпрепятственно двигаться даже на высотѣ 2800 — 3700 саж., гдѣ давленіе воздуха очень незначительно. Но почему онѣ поднимаются на такую значительную высоту? А потому, что на такой высотѣ имъ приходится преодолевать самое незначительное сопротивленіе воздуха.

Въ заключеніе я хочу предложить вамъ еще одинъ вопросъ, отвѣтъ на который васъ, вѣроятно, еще болѣе смутитъ, чѣмъ предшествующіе.

Какъ вы полагаете, сколько времени тратитъ птичка, напр., синешейка на путешествіе изъ Аѳрики на островъ Гельголандъ?

Вспомните, пасточекъ, почтовыхъ голубей, жаворонковъ и др. (а синешейка далеко не такъ хорошо летаетъ). Сравните съ этимъ быстроту курьерскаго поѣзда, автомобиля. Сколько времени понадобилось бы человѣку, чтобы совершить такое путешествіе даже при прямомъ сообщеніи? Ну-ка, какъ вы думаете во сколько времени синешейка совершаетъ это далекое путешествіе?

Вы не догадаетесь. Не больше какъ въ одну весеннюю ночь!

Надѣюсь, что вы не примите это за шутку, я говорю это совершенно серьезно. Многочисленные и очень точныя наблюденія Гетке показали, что уже въ нижнихъ слояхъ

воздуха даже птицы, не обладающія особенною способностью быстро летать, несутся съ необычайной быстротой. 27 географическихъ миль въ часъ.

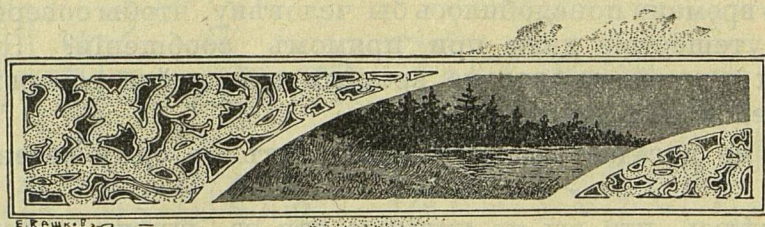
Пространство, лежащее между островомъ Гельголандомъ и Англіей и равняющееся около 80 географическимъ милямъ, стаи воронъ пролетаютъ въ теченіе трехъ часовъ.

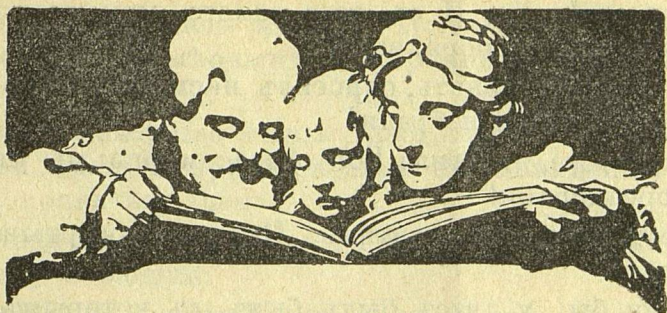
Нѣкоторыя птицы обладаютъ еще болѣе поразительной быстротой полета. Зуйки, кулики и бекасы пролетаютъ пространство между Гельголандомъ и лежащей отъ него въ растояніи 6500 метр. на востокъ устричной мелью, въ теченіе одной минуты. Слѣдовательно почти одну географическую милю въ минуту.

Но особенно поразительнымъ, хотя теперь вамъ это покажется уже болѣе вѣроятнымъ, является та быстрота, съ которой двигается маленькая синешейка. Пространство между Гельголандомъ и Африкой, равняющееся 400 географическимъ милямъ, она пролетаетъ въ теченіе девяти часовъ. Все это подтверждается многочисленными наблюденіями.

Черезъ нѣсколько лѣтъ перелетъ птицъ привлечетъ особенное вниманіе наблюдателей, и мы, навѣрное, услышимъ многое такое, что покажется намъ сначала страннымъ, но развѣ природа являлась бы такимъ неизсякаемымъ источникомъ силы и свѣжести, если бы она не ставила намъ каждый день новыхъ вопросовъ, на которые мы, конечно, постараемся найти отвѣтъ.

Брандтъ.

БОБЪ и ПИППО.

Въ тѣ дни, когда клоуны Бобъ и Пиппо появлялись передъ публикой, въ Новомъ циркѣ царило особенное оживленіе. Однажды публика, по обыкновенію, готовилась съ веселымъ смѣхомъ встрѣтить шутки любимыхъ фокусниковъ, какъ вдругъ послѣдніе, при выходѣ на арену, совершенно неожиданно заявили распорядителю, что они не желаютъ, исполнять указанныхъ въ программѣ нумеровъ.

— И только теперь вы объ этомъ мнѣ заявляете? воскликнулъ распорядитель, хватаясь за волосы.

— Мы не могли сообщить вамъ этого ранѣе, отвѣтилъ Бобъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ.—

— По очень простой причинѣ, прервалъ Пиппо рѣчь своего товарища, такъ какъ только пять минутъ тому назадъ мы узнали объ этомъ сами.

— Вы насмѣхаетесь надо мной! вскипѣлъ распорядитель, услыхавъ такое оригинальное объясненіе.

— Ничуть, отвѣтилъ Бобъ, это сущая правда. Эта мысль пришла намъ въ тотъ моментъ, когда мы покидали уборную, чтобы выйти на арену.

„Пиппо, обратился я къ своему другу, неужели тебѣ еще нравится играть роль шута для забавы другихъ? Конечно, нѣтъ. А мнѣ и подавно. Хочешь перемѣнить свое занятіе? Очень охотно“.—

Сказано-сдѣлано. И съ того самого момента мы уже не клоуны, г-нъ распорядитель!

— Можно ли узнать, спросилъ насмѣшливо послѣдній, какую профессію вы избрали?

— Отчего же, отвѣтилъ Бобъ высокомерно: мы съ Пиппо будемъ тореадорами!

— Вотъ какъ! подхватилъ Пиппо, повертываясь на каблукахъ.

— Если бы у васъ былъ быкъ, съ которымъ можно было бы состязаться, вы могли бы располагать нами. А такъ какъ его нѣтъ, то намъ приходится разстаться.

— Не торопитесь, быть можетъ, мы еще поладимъ.

Какъ! Что! вскричалъ Бобъ, для котораго наступила очередь удивиться, у васъ на конюшнѣ есть быкъ?!

— Очень возможно.

Настоящій быкъ?.. съ рогами? спросилъ Пиппо уже съ меньшимъ задоромъ.

— Великолѣпный быкъ, съ громадными рогами; почти еще дикій, только недавно привезенъ изъ Андалузіи.

Увы! прошепталъ Пиппо, которому сообщенная новость пришлась далеко не по душѣ.

— И теперь вы, конечно, обратилъ къ друзьямъ распорядитель, не откажитесь показать намъ ваше искусство.

— Да, да, непременно, конечно, твердилъ Бобъ въ замѣшательствѣ, тщетно стараясь найти выходъ изъ неловкаго положенія. Вдругъ счастливая мысль блеснула ему. Но у насъ нѣтъ костюмовъ! А-вы сами знаете, г-нъ распорядитель, что тореадоръ безъ костюма уже не тореадоръ, даже быкъ будетъ смѣяться надъ нами.

— Если только дѣло за этимъ, то я вамъ охотно помогу, отвѣтилъ распорядитель, у котораго сегодня казалось, на все были готовы отвѣты. Все, что вамъ нужно найдется въ гардеробной моего цирка; я предоставляю ее въ полное ваше распоряженіе.

Отступать было невозможно. Бобъ и Пиппо должны были съ честью выдержать испытаніе, чтобы не' остаться лунами въ глазахъ присутствующихъ.

Оркестръ заигралъ маршъ. Тореадоры появились передъ публикой и мѣрнымъ, увѣреннымъ шагомъ обошли арену.

Музыка измѣнила темпъ; шествіе кончилось; борцы заняли свои мѣста и приготовились къ нападенію. Сейчасъ долженъ появиться быкъ.

Зрители съ напряженнымъ ожиданіемъ обратили взоры въ сторону конюшни.

Вдругъ онъ ринулся оттуда и въ три скачка очутился на аренѣ.

Это было маленькое животное, покрытое черной шерстью и съ громадными рогами.

Ослѣпленный свѣтомъ быкъ нѣсколько минутъ былъ неподвиженъ.

Вдругъ онъ замѣтилъ тореадоровъ.

Ударивъ хвостомъ по бокамъ, повернувшись два три раза на одномъ мѣстѣ, онъ стрѣлой кинулся на Пиппо.

Тотъ уже приготовился отразить ударъ и растянулъ свою мулету, на которую всегда бросаются быки. (Мулетою называется небольшая палка съ прикрѣпленнымъ къ ней кускомъ красной матеріи, которымъ дразнятъ быковъ). Но на поддорогѣ животное измѣнило направленіе и бросилось на Боба. Послѣдній не ожидалъ нападенія, и страшнымъ ударомъ головы былъ моментально опрокинутъ на землю.

Съ несчастнымъ тореадорамъ разомъ бы было все кончено, если бы не Пиппо, который съ полнымъ хладнокровіемъ бросился на помощь своему товарищу и схватилъ быка за хвостъ.

Это спасло Боба. Однимъ прыжкомъ поднялся онъ на ноги; и весь горя жаждой мести, въ свою очередь, съ безумной отвагой бросился на быка и вонзилъ ему двѣ бандерильи. (Бандерильями называются небольшія копыя, окрашенные въ яркій цвѣтъ и украшенные лентами).

Тореадоръ, вооруженный бандерильями, называется бандерильеросомъ.

Онъ помѣщался посреди арены и громкими криками старался привлечь вниманіе быка. И въ тотъ моментъ, когда раздраженное животное бросалось на него, бандерильерось, ловко увертываясь отъ удара, набѣгу вонзилъ копье въ шею быка.

Раздался звукъ трубы, извѣщающій, что насталь моментъ убить быка. Появился матадоръ, который долженъ былъ убить израненное и измученное животное. Здѣсь обязанность матадора взялъ на себя Пиппо. Онъ явился вооруженный длинной шпагой, поклонился, по обычаю, публикѣ, а затѣмъ увѣреннымъ шагомъ пошелъ навстрѣчу быку.

Съ быстротой молніи, раньше чѣмъ животное успѣло сдѣлать хотя бы одно движеніе, Пиппо мѣткимъ ударомъ вонзилъ шпагу по самую рукоятку въ шею быка.

Пораженное животное тяжело рухнуло на землю.

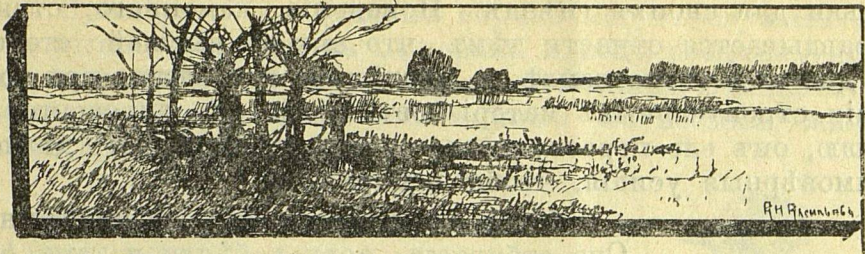
Бой кончился. Пока тореадоры раскланивались передъ привѣтствовавшей ихъ публикой, на арену быстрымъ галопомъ въѣхала запряжка муловъ и повезла трупъ быка въ конюшню.

Но въ тотъ моментъ, когда трупъ долженъ былъ скрыться съ глазъ зрителей, мертвый быкъ поднялся, однимъ скачкомъ очутился среди арены, обвелъ глазами публику и... залаялъ.

То, что вы видѣли былъ не страшный Андалузскій быкъ, а добрая комнатная собака, великолѣпно выдрессированная.

Картонная голова съ громадными рогами придавала ей сходство съ быкомъ. И вся эта сцена была придумана и неподражаемо разыграна такими талантливыми клоунами, какими были Бобъ и Пиппо.

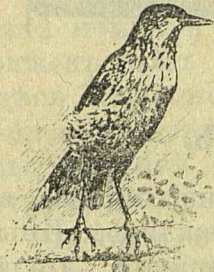
Похитители чужих жилищъ.

Какъ ни странно, но многія животныя не строятъ ни для себя, ни для своего потомства никакихъ жилищъ. Иныя путемъ захвата поселяются въ чужомъ помѣщеніи, другія довольствуются старыми, покинутыми гнѣздами или норами.

Среди мелкихъ птицъ имѣется множество похитителей чужихъ гнѣздъ. Вотъ, напр., каменный стрижь съ виду очень похожъ на работающую ласточку, но не имѣющій съ ней ничего общаго по характеру и нравамъ. Каменный стрижь никогда самъ гнѣзда себѣ не вьетъ, а, просто напросто, отнимаетъ уже готовыя гнѣзда у скворцовъ или воробьевъ. Онъ большой злюка и забіяка, и такъ энергично досаждастъ законнымъ владѣльцамъ жилищъ, что послѣдніе, сплошь да рядомъ, оставляютъ свое насиженное мѣстечко и селятся гдѣ нибудь поблизости. Если самка сидитъ уже на яйцахъ, то каменный стрижь такъ немилосердно ее терзаетъ, что она, несчастная, предпочитаетъ скорѣе бросить свои яйца, чѣмъ терпѣть отъ него эти муки. Однакоже, онъ не всегда остается побѣдителемъ; иногда другимъ птицамъ удается дать ему надлежащій отпоръ, и тогда онъ выгнанный, просто пристраивается на колокольнѣ, гдѣ-нибудь подъ крышей, причемъ онъ убираетъ свое даровое жилище соломой, которую налету выхватываетъ изъ клюва другихъ птицъ, несущихъ эти сте-

бельки для своихъ гнѣздъ. Поведеніе каменнаго стрижа оправдывается отчасти тѣмъ, что ему въ высшей степени трудно ходить по землѣ, а послѣднее неизбежно при собираніи строительныхъ матеріаловъ. Когда онъ опускается на землю, онъ еле переступаетъ, словно ползетъ, и дѣлаетъ неимоверныя усилія, чтобы вспорхнуть.

Кедровка дѣйствуетъ еще энергичнѣе. Она отбиваетъ нору у бѣлки и тамъ она, благодаря припасеннымъ матеріаламъ—мхамъ и лишаямъ, устраиваетъ себѣ мягкое, уютное гнѣздышко.

Многіе обвиняли воробьевъ въ похищеніи гнѣздъ у ласточекъ, но послѣднія изслѣдованія ученыхъ снимаютъ съ воробьевъ это тяжкое обвиненіе.

Лисица часто завладѣваетъ норой барсука, который всегда строитъ себѣ очень помѣстительное и высокое жилище. Лисица для этой цѣли пускается на хитрость, желая выжить барсука, она оставляетъ у входа его логовища свою визитную карточку: кучу вонючихъ нечистотъ.

Барсукъ, какъ животное въ высшей степени чистое, моментально убѣгаетъ, оставляя лисицѣ навсегда свое жилище.

Другая категорія птицъ поступаетъ нѣсколько иначе: онѣ довольствуются покинутыми гнѣздами, исправляютъ ихъ и поселяются тамъ на все лѣто. Такъ поступаетъ, напр., коршунъ. Выбравъ старое воронье гнѣздо или большое соколѣе, онъ пристраивается тамъ и устилаетъ его тряпками и бумагами, къ которымъ имѣетъ особое пристрастіе.

Также поступаютъ многія насѣкомыя, въ особенности стѣнная пчела, или пчела каменазокъ.

Она ежегодно разыскиваетъ гнѣзда, свитыя уже ея предшественницами, и только подновляетъ ихъ.

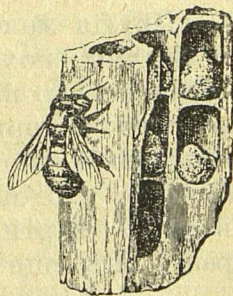
Далѣе идутъ животныя, которыя помѣщаются въ разныхъ углубленіяхъ, впадинахъ, устроенныхъ самой природой.

Примѣромъ въ данномъ случаѣ могутъ служить летучія мыши, живущія въ пещерахъ и подъ сводами, ящерицы, заползающія въ трещины, жулицы, ютящіяся подъ камнями и, наконецъ, безчисленныя насѣкомыя, живущія подъ древесной корой.

У нѣкоторыхъ животныхъ желаніе избѣжать работы является, такъ сказать, постояннымъ свойствомъ, у другихъ же оно какъ-бы случайно. Таковъ, напр., удождъ, который обыкновенно самъ выѣтъ себѣ гнѣздо, но если ему попадется подходящее дупло въ старомъ покрытомъ мхомъ стволѣ, онъ преспокойно займетъ его.

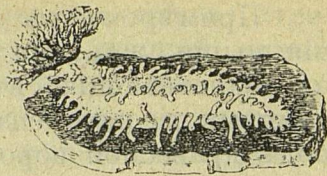
Сова поступаетъ точно также. Тоже можно сказать и о древогнѣздѣ, красивомъ фіолетоваго цвѣта шмелѣ, который часто водится въ садахъ. Самка этого древогнѣзда, большею частью, кладетъ яйца и съѣстные запасы въ продѣланное ею самою отверстие какого нибудь дерева, но часто также, чтобы избѣжать продолжительной работы, эта умная лѣнтяйка, пользуется дырами, просверленными въ деревянныхъ столбахъ, къ которымъ въ садахъ прикрѣпляются обыкновенно качели и всякія гимнастическія приспособленія.

* * *

Многія животныя совсѣмъ не устраиваютъ себѣ жилищъ, а просто помѣщаются у другихъ. Нигдѣ нельзя такъ хорошо изучить нравы подобныхъ животныхъ, какъ на берегу моря, гдѣ они водятся въ изобилии. Здѣсь встрѣчаются голотуріи, или морскія кубышки, съ червообразнымъ тѣ-

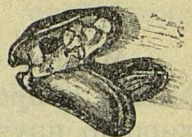
ломъ. Онѣ похожи на движущіеся огурцы, медленно ползущіе по песку. И вотъ, представьте себѣ, что одна крошечная рыбка ухитряется помѣщаться внутри этого морского животного; она ждетъ момента, когда у голотуріи раскрывается задняя часть тѣла, и тогда она въ одинъ мигъ проскальзываетъ внутрь, гдѣ свободно помѣщается и живетъ себѣ въ свое удовольствіе. Время отъ времени, она подходитъ къ своему своеобразному окну, чтобы, такъ сказать, посмотрѣть, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Если все обстоитъ спокойно, она иногда рѣшается пойти себѣ за пищей. Наѣвшись досыта, она возвращается въ свою квартиру чему, между прочимъ, ея домовая хозяйка совсѣмъ не противится и не отказываетъ ей въ гостепріимствѣ.

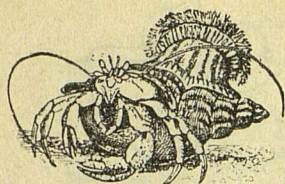

Другія маленькія рыбки избираютъ себѣ жилищемъ тѣло медузы, похожее на пловучій хрустальный дворецъ; эти рыбки всегда плывутъ въ близкомъ разстояніи отъ медузъ, въ тѣло которыхъ проникаютъ при первой опасности и пользуются оборонительными средствами послѣднихъ; кромѣ того, что онѣ находятъ въ тѣлѣ медузы прекрасную свѣтлую квартиру, способную помѣстить нѣсколько рыбокъ сразу, онѣ еще подбираютъ недоѣденную медузами пищу.

Нѣкоторые маленькіе крабы преспокойно живутъ себѣ среди двухстворчатыхъ ракушекъ моллюска, куда проникаютъ всѣ нужныя для краба питательныя вещества.

Другой крабъ, по виду похожій на морского паука, тоже находитъ себѣ живую даровую, но не совсѣмъ впрочемъ обыкновенную, квартиру: при помощи своихъ клещей онъ отрываетъ отъ скалы довольно большую губку и кладетъ ее себѣ на спину, гдѣ онъ ее придерживаетъ двумя приподня-

тыми кверху лапами. Губка чувствует себя, видимо, не дурно и вскорѣ приростаетъ къ спинѣ краба, закрывая послѣдняго собою со всѣхъ сторонъ. Такимъ образомъ, у краба получается очень удобный и мягкій домикъ, который онъ всюду переноситъ съ собою, выставивъ наружу лишь лапы да сажки.

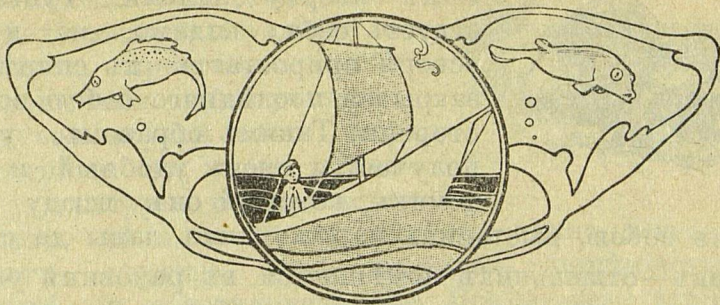
Ракъ—отшельникъ помѣщается въ раковинѣ умершаго молюска, переносить ее всюду съ собою и весь въ нее уходитъ при первой опасности.

Много есть мелкихъ рыбокъ, которыя живутъ подъ раковинами не большихъ морскихъ животныхъ. Если рыбкамъ, ищущимъ себѣ жилище, попадаетъ опрокинутая раковина, т. е. лежащая отверстіемъ кверху, то онѣ ударомъ головы опрокидываютъ ее, вползаютъ и тамъ кладутъ свои яйца.

Есть такіе муравьи, которые, пускаясь на хитрости, заставляютъ другихъ строить себѣ жилища. Таковыя, напр., муравьи—амазонки, отличающіеся своей необыкновенною медлительностью. Помимо этого недостатка, члены этихъ муравьевъ плохо приспособлены къ работѣ, и потому, когда ихъ муравейникъ недостаточно помѣстителенъ, они идутъ на поиски за муравейникомъ простыхъ муравьевъ и берутъ его приступомъ. Хозяева сначала отстаиваютъ свое жилище, но подъ конецъ отступаютъ, тогда амазонки проникаютъ въ муравьиное гнѣздо, захватываютъ куколки и переносятъ ихъ къ себѣ. Изъ куколокъ, спустя нѣсколько дней, выходятъ простые муравьи, которые, считая себя дѣтьми этого гнѣзда, сейчасъ же принимаются за работу.

Они или увеличиваютъ старый муравейникъ, или устраиваютъ новый. Къ великой радости амазонокъ, которыя продолжаютъ жить себѣ припѣваячи, ничего не дѣлая.

И такъ многія животныя, какъ мы только что видѣли, слагаютъ съ себя трудъ строить себѣ и своему потомству жилища, прибѣгая для этого къ разнымъ средствамъ, разнообразно своей породѣ и своему нраву.

Рѣшеніе головоломки на премію, помѣщенной въ № 4 журнала.

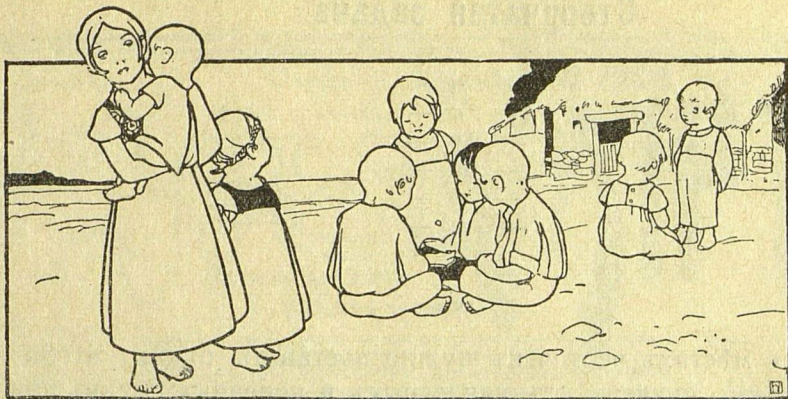
Опять старцы покойно за частоколомъ стоятъ, а сорокъ сорокъ твердо на шестахъ сидятъ.

(О, пять, сто, а, рцы, покой, н, о, за, ч, а, сто, кол, ом, сто, ятъ, а, 40, сорок, твердо нашъ есть ах, сид, ятъ.)

Изъ полученныхъ редакціей 105 отвѣтовъ вѣрными оказались 23. Въ виду этого редакція рѣшила выдать преміи всѣмъ подписчикамъ, приславшимъ вѣрныя рѣшенія. Фамиліи ихъ слѣдующія.

Н Григорьева (Владимиръ), А. Мажуровъ (Касимовъ), С. Орловъ (Москва), Д. Мошкинъ (Моск.) С. Яблоковъ (Кострома), А. Зеленецкій (Калуга), Ѳедорова (Моск.), А. Тютнева (Моск.). Н. Щенкова (Моск.), М. Толстой (Моск.), Н. Осбергъ (Моск.), Н. Дреземейеръ (Моск.), П. Крашенинниковъ (Глуховъ), Воспит. Сельской школы села Михайловскаго, А. Коркуновъ (Псковъ), М. Петровъ (Пермь), М. Поповъ (Варшава), П. Браилко (Харьковъ), Л. Елькина (Уфа), Гольштеге (Моск.), Константиновъ (Москва), Федоренко (Юкагамма), М. Чернѣвъ (Сандвичевы острова).

Ну-ка разгадайте.

Шарада № 1.

Въ цѣломъ васъ я забавляю,
Чтобъ яснѣй была шарада,
Для того вамъ объявляю,
Знать мои три части надо:
Птичій крикъ—мое начало,
А второе украшенье
Для мужчины; третьей частью
Будетъ хвойное растенье.

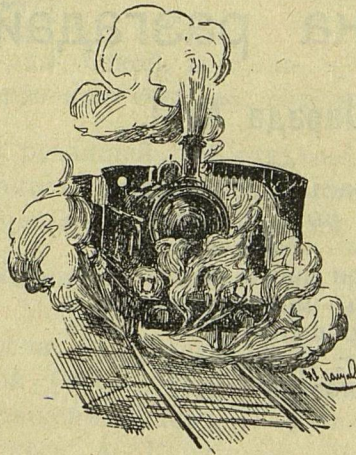
Шарада № 2.

Часть начальную ищите
Вы у жницы иль жнеца,
А вторая помѣстилась
Недалеко отъ лица.
Третья часть—конецъ шарады,
Называется предлогъ;
Все же вмѣстѣ—не губернский,
А уѣздный городокъ.

Створчатая задача.

— о —
 — к —
 — оу —
 — ро —
 — о —
 — в —

Въ мѣстахъ черточекъ нужно поставить буквы, чтобы составить слова, причемъ изъ начальныхъ и конечныхъ буквъ при чтеніи ихъ сверху внизъ, должны получиться названіе государства и его столичнаго города.

Открыта подписка на **1909** годъ
(3 годъ изданія).

ДѢТСКІЙ МІРЪ

Журналъ для дѣтей
9-12 лѣтнаго возраста.

Въ 1909 г. журналъ будетъ выходить по той же программѣ и съ тѣмъ же составомъ сотрудниковъ, какъ и въ прежніе годы.

ОБЪЕМЪ ЖУРНАЛА БУДЕТЪ ЗНАЧИТЕЛЬНО УВЕЛИЧЕНЪ.

ВСѢ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЬ:

24 книжки журнала, содержащихъ повѣсти, рассказы, стихотворенія, популярно-образов. статьи, біографіи, музыкальн. произведенія, обзоры дѣтской литературы, занятія и работы, загадки, ребусы и пр. Журналъ иллюстр. рисунками лучшихъ русскихъ художниковъ.

6 кн. соч. Сельмы Лагерлефъ.

6 кн. соч. Жака Лондона.

10 пѣсенокъ. пьесъ для роля Цезаря Кюи.

12 книгъ иллюстриров. Энциклопедич. Словаря для дѣтей и юношества

необходимаго справочнаго изданія, охватывающаго собой все дѣтское міросозерцаніе. Предлагаемый словарь является первой попыткой создать для дѣтей возможность самостоятельно ориентироваться во всѣхъ явленіяхъ природы и культуры.

Подписная цѣна въ годъ **3** руб. Допускается разсрочка. Подписка принимается въ конторѣ журнала: Москва, Малая Лубянка, № 20, телеф. 15-03, въ книжн. маг. „Образованіе“, Москва, Кузнецкій мостъ, въ конторѣ Печковской, Москва, Петровскія линіи и въ друг. книжныхъ магазинахъ.

Иллюстрированныя просенны по требованію бесплатно.

Редакторъ-Издатель Н. И. ФИДЕЛЛИ.

